

RU

Концептуализация и становление системного рассмотрения феномена кризисов

Малахова Е. В.

Аннотация. Цель исследования - раскрыть особенности концептуального становления системного подхода к изучению, объяснению и прогнозированию социальных кризисов. Для этого в статье рассматривается история понятия «кризис», а также основания изучения кризиса как социального и исторического явления и возникновение системных подходов к его анализу и прогнозированию. Научная новизна заключается в междисциплинарном метатеоретическом подходе, позволяющем обосновать методологическую значимость и необходимость изучения кризисов именно с системных позиций. Полученные результаты показали, что целостное социально-историческое и методологическое видение кризисов как феномена само по себе возможно лишь в определенных системах на прослеживаемой траектории их развития.

EN

Conceptualisation and Formation of Systemic Consideration of Crises Phenomenon

Malakhova E. V.

Abstract. The research aims to shed light on the features characterising conceptual formation of the systemic approach to study, explanation and forecasting of social crises. For this purpose, the article examines history of the concept “crisis”, as well as bases for studying crisis as a social and historical phenomenon and emergence of systemic approaches to its analysis and forecasting. Scientific novelty of the work lies in taking the interdisciplinary meta-theoretical approach, which allows the researcher to justify methodological significance of and the need to study crises from the systemic perspective. The research findings have shown that holistic socio-historical and methodological view of crises as a phenomenon is per se possible only within certain systems on a traceable trajectory of their development.

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что при наличии заметно выраженной на данный момент потребности в анализе и прогнозировании социальных кризисов концептуальный и методологический аппарат для подобных задач оказывается зачастую слабо проработан. Из-за этого объяснение природы кризисов нередко может подменяться оценочными суждениями, которые, хотя и показывают текущие социальные настроения, тем не менее не несут в себе эвристического потенциала. В то же время, на данном этапе развития современных чрезвычайно сложно организованных социумов, изучение и, в особенности, прогнозирование различного рода кризисов становится необходимым инструментом для их предотвращения или, по крайней мере, минимизации нежелательных последствий. Особенно непростым является выстраивание нужных для этого теоретических моделей в случае масштабных социокультурных процессов на макроуровне – во многом вследствие до сих пор недостаточно развитого методологического аппарата, частично представленного в ряде конкурирующих друг с другом теорий. Даже само понятие «кризис» оказывается чрезвычайно размытым, несмотря на его возрастающую роль при объяснении целого ряда феноменов и процессов. Вместе с тем, чрезвычайно многообещающие теоретические разработки XX века, сделанные в рамках системного движения и призванные как раз объяснять суть и происхождение кризисов, оказались на периферии научного дискурса, хотя именно их и возможно использовать как методологический фундамент для дальнейших исследований в интересующей нас сфере, как будет показано далее в работе.

Достичь указанной цели мы предполагаем, решив следующие задачи. Во-первых, мы полагаем необходимым показать хотя бы вкратце саму историю возникновения понятия «кризис» и укоренения его в философской,

а потом и в научной мысли. Затем, на примерах трудов теоретиков системного движения мы рассмотрим основания такого изучения кризисов, где последние мыслятся как феномены, возможные только в рамках определенной системы и ею же обусловленные.

Методы исследования данной работы составляют как метод сравнительно-исторического анализа (В. М. Жирмунский [6], И. Д. Ковальченко [7] и др.), применяемый при рассмотрении эволюции употребления термина «кризис», так и системные методы и подходы, развиваемые такими авторами, как А. А. Богданов [3; 4], Л. фон Берталанфи [14], Р. Акофф [1], У. Р. Эшби [13], В. А. Лекторский и В. Н. Садовский [9] и др. Именно работы данных авторов послужили основной теоретической базой данного исследования.

Практическая значимость работы заключается как в возможности применения ее результатов в процессе разработки образовательного контента для студентов высших учебных заведений, так и в методологической значимости для дальнейшего социально-философского осмысления феномена кризисов.

Формирование понятия «кризис» и его основные трактовки

Трудно найти термин, который, с одной стороны, употреблялся бы столь же часто, а с другой стороны, был бы таким же многозначным и оценочно окрашенным. Это понятие используется в целом ряде научных дисциплин (и в каждой имеет свои особенности): в экономике, психологии, культурологии, политологии, достаточно молодой и во многом междисциплинарной конфликтологии и др. И далеко не всегда исследователи, применяя данный термин, внимательно рассматривают методологические основания и общую правомерность его использования. Но гораздо чаще всплывает это понятие в быту, в околонуточном или даже псевдонаучном дискурсе – то есть во всем том слабо отрефлексированном конгломерате представлений, не имеющих никакого или почти никакого теоретического базиса и основанных на таком смешении личных и коллективных страхов, надежд и архетипических представлений, что их вполне можно охарактеризовать как социальные мифы нашего времени. Такие трактовки при всем их многообразии отличает общая черта понимания кризиса (как правило, речь идет именно о современных кризисах) как противоречия между «сущим и должным» – то есть, между неудовлетворительным и желаемым состояниями какой-либо сферы общественной жизни. Однако при подобном понимании кризиса он либо должен мыслиться как нечто перманентное, постоянно и неотъемлемо присущее любой эпохе, либо, как чаще всего бывает, кризис в таких случаях предстает как нечто ситуативное, каждый раз вызванное каким-то уникальным сочетанием факторов. Подобные трактовки имплицитно содержат в себе предположение, что если попытаться учесть все негативные факторы, все прошлые «ошибки», то будущих кризисов можно избежать. Однако при таком подходе блокируется любая возможность прогнозирования кризисов, выявления тех общих закономерностей, которые приводят и в будущем могут привести к возникновению данного явления при внешне отличной сумме условий.

Это понимание кризисов, по преимуществу социальных, или почти, или совсем не оперирует понятиями системности и структурной организации, которые как раз и могут давать возможности для объяснения и прогнозирования. Многочисленные словарные определения кризиса чаще всего предлагают его понимание, мало чем отличающееся от простого перевода. Например: «...резкое изменение, происходящее помимо нашей воли. Кризис может быть благотворным или неблаготворным, но он почти всегда сопряжен с трудностями и протекает болезненно... Это действительно решающий момент, но не потому, что от нашего решения зависит, быть кризису или не быть, а потому, что кризис вынуждает нас принимать решение или решает за нас» [8, с. 266-267].

Некоторые авторы иронически замечали, что почему-то, начиная с Нового времени, когда постепенно утвердилось наиболее распространенное значение кризиса, почти все, кто употребляли этот термин, во-первых, судили с позиций своей эпохи, так, как будто она последняя; а во-вторых, называли свое время кризисным – и у стороннего наблюдателя могло бы сложиться впечатление, что кризис вообще перманентен [12]. Это, в общем-то, очень верное наблюдение еще раз косвенно подтверждает наше предположение о том, что кризис в его отрицательном значении всегда осознается по контрасту с представлением о положительном, желаемом состоянии общества, его экономики и других сфер, которые могут посчитать в какой-то момент находящимися в кризисных ситуациях.

Так можно ли рассматривать кризис как некое (возможно, постоянное) противоречие между «сущим и должным», где «сущее» всегда оценивается в сравнении с «должным» и поэтому всегда проигрывает? На этот вопрос мы постараемся в меру своих сил ответить далее в работе. Однако, чтобы не повторять всех означенных недочетов в рассмотрении кризисов, необходимо все же прояснить, что они представляют собой, где и как понятие кризиса вообще можно и целесообразно использовать, и в каких условиях (контексте/системе) кризис в какой бы то ни было форме в принципе возможен. Для начала стоит рассмотреть историю и этимологию понятия «кризис», его употребление в истории философской мысли и ряд основополагающих коннотаций, связанных с этим термином в различных типах научного, бытового и даже теологического дискурса.

Сперва проясним вопросы самого происхождения столь широко употребляемого термина. Слово «кризис», как и первые концепции, с ним связанные, имеют еще античное происхождение. Термин «кризис» восходит к греческому «κρίνω» (krino) [11, с. 376], что означало одновременно: разделять, выбирать, решать, судить. «Кризис», таким образом, тоже относился к решению и суждению, причем в значении последнего, финального выбора или результата, за которым последует победа или поражение, успех или провал. Термин «krino»

и происходящий от него «кризис», по утверждению ряда исследователей [15], использовались в Греции одновременно в политическом и в медицинском значениях. Кроме того, «кризис» применялся также в значении «решения» (основанного на суждении), что дало развитие связанному с ним термину «критика». Термин «кризис» в политическом и отчасти юридическом смысле подразумевал взвешенное суждение гражданина полиса, оценившего все «за и против» и голосующего сообразно закону и справедливости. Таким образом, для греков «кризис» – это термин, связывавший воедино представления о законе и справедливом суждении, которое выносили граждане полиса, взвесив все аргументы и голосуя за некое окончательное решение.

Кроме того, необходимо упомянуть и о медицинском значении термина, которое существует и сейчас. Здесь тоже изначально «кризис» означал суждение, но уже специфическое суждение особого рода – о течении болезни и самочувствии заболевшего. В подобном значении интересующий нас термин употребляется уже в *Corpus Hippocraticum*, а затем у Галена. В обоих значениях – медицинском и политико-правовом – кризис обнаруживает схожие черты: некое обоснованное суждение о непростой поворотной ситуации, исход которой до конца не ясен.

Чрезвычайно интересно дальнейшее употребление термина, прослеживаемое сквозь Средние века и Новое время вплоть до XX столетия, так как именно оно во многом определило как современные значения «кризиса» (в том числе их размытость), так и его сильнейшую психологическую нагруженность. Юридическое значение кризиса перешло и в теологические работы, приняв, конечно же, новые и крайне важные для дальнейшей европейской мысли оттенки значения. Суд человеческий, о котором говорила Древняя Греция, в эпоху Средневековья сменяется представлением о Божественном суде. В дальнейшем данный термин, заимствованный из греческого, употреблялся уже преимущественно на латыни.

Уже на излете Средневековья и в начале Нового времени, когда слово «кризис» перешло из латыни в другие европейские языки, его значение еще более расширилось, постепенно приближаясь к современному. К XVIII столетию «кризис» становится самостоятельным понятием, медицинское значение которого теперь метафорически переносится на самые различные предметы рассуждения, в особенности, на политические процессы, происходившие в европейских государствах этого периода. Подобный подход, начиная с XVIII века, сделал понятие «кризиса» одним из фундаментальных для философии истории, а затем и для экономики и ряда других общественных дисциплин. Если говорить об исторической науке по преимуществу, то в ней понятие «кризиса» тоже заняло достаточно важное место, хотя и не сразу. В качестве автора, активно применявшего это понятие в XIX столетии, можно назвать Якоба Буркхардта [5].

Что касается еще одного варианта осмысления понятия «кризис», то его можно, по крайней мере, на первый взгляд, представить полной противоположностью предыдущему. Это представление о кризисе как о чем-то единовременном и финальном, что может произойти только один раз и навсегда разрешить ситуацию. Некоторые авторы усматривают в такой трактовке влияние линейного подхода к историческому процессу. Этот подход мы можем видеть уже у Аврелия Августина, во многом определившего мировоззренческие основания европейской культуры на века вперед. Культурное сознание Античности, также как Египта, Междуречья, Индии, Китая – было чуждо линейному подходу, тяготев, хотя и в различной мере, к подходу циклическому. Тем не менее, можно также вспомнить ряд мыслителей вполне светских, которые использовали именно линейные подходы к истории. Примеров можно назвать множество: от Робеспьера и Сен-Симона до Конта и Маркса.

И наконец, еще одна трактовка термина «кризис» включает в себя весь чрезвычайно широкий на данный момент спектр концепций, рассматривающих кризисы как некие фазы различных циклов – будь то «исторические водоразделы», динамика подъемов и спадов в экономике или даже смена культурно-исторических типов [10]. Если говорить о происхождении этого взгляда на кризисы, то возникает соблазн отнести данную точку зрения вглубь тысячелетий, когда формировалось мифологическое сознание с его циклическим восприятием истории не только человечества, но и всего Универсума в целом. Однако большая часть древних цивилизаций вообще не знала самого понятия «кризис», а изобретшая его Античность хоть и употребляла, но, как мы видели, в несколько иных значениях.

Поэтому кризис как нечто циклически повторяющееся – это гораздо более молодой концепт, сформировавшийся уже в эпоху Нового времени. Данное понимание кризиса имеет прикладной характер, открывая возможности для исследования (одновременно теоретического и эмпирического) тех факторов, которые могут сберечь или нарушить равновесие. Подобный подход естественным образом открывал концепции кризиса дорогу в целый ряд научных областей – последствия чего мы как раз и можем наблюдать сегодня. Кроме того, именно этот подход оказался по своему существу очень диалектически нагруженным, напрямую увязав кризис и развитие, кризис и прогресс (или же, наоборот, регресс), найдя кризису определенное «место» в развивающихся системах и сделав его, в свою очередь, структурным, системным понятием.

Системные исследования кризисов

Кризис может рассматриваться как нечто периодически повторяющееся в определенных системах при достижении ими ряда параметров, причем последние можно спрогнозировать. Таким образом, в данном случае понятие «кризис» не только значительно уменьшает свою оценочную и эсхатологическую нагруженность, но и может, наконец, получить содержание, являющееся предметом научного изучения.

Одним из основоположников системного подхода можно с уверенностью назвать А. А. Богданова. Более того, в своей «Тектологии» он подробно рассматривает именно понятие кризиса, его системное происхождение и значение для существования систем. Богданов, настаивая на создании «всеобщей организационной науки» [3, с. 57], вероятно, одним из первых в принципе напрямую связывает кризисы с совершающимся на постоянной основе функционированием систем, не придавая первым эсхатологического, этического или какого-то еще оценочного внесистемного статуса.

В первом приближении он называет организационными кризисами «разрыв тектологической границы между двумя комплексами... с которого они перестают быть тем, чем они были... и образуют какую-то новую систему». Также кризисом становится и образование границы, создающее «из данной системы новые отдельные» [Там же, с. 176]. В самом общем виде кризис для А. А. Богданова – это «смена организационной формы комплекса» [4, с. 209]. При этом А. А. Богданов сразу постулирует относительность любого кризиса как зависимость от того, какие организационные комплексы выступают предметом исследования. Так, А. А. Богданов указывает, что в зависимости от того, насколько всеобъемлющие или, наоборот, частные представления о системах как организационных структурах мы используем, настолько же будет меняться представление о кризисах. То, что будет кризисом в частной системе или подсистеме, в системе высшего порядка станет всего лишь одним из этапов ее существования, возможно, даже незначительным. То есть, рассматриваем ли мы кризисы как постоянную цепочку событий или как что-то, происходящее с некой периодичностью, зависит от масштаба выбранной нами системы – и не в последнюю очередь, от ее масштаба именно относительно нас как наблюдателей.

А. А. Богданов в своем рассмотрении природы кризисов исходит именно из их системных характеристик, которые могли бы быть общими для явлений природы и общества, поэтому для него кризис изначально теряет всякую аксиологическую и телеологическую нагруженность сам по себе и не может ее иметь как явление, рассматриваемое именно с точки зрения идеалов научного знания. А. А. Богданов, стремясь выяснить организационную природу кризисов, пишет, что смена организационной формы (то есть кризис) есть разрыв связей между элементами, которые образуют систему. Причем этот разрыв способен как окончательно разрушить исходную систему, так и создать новую. Разрыв границ между двумя или несколькими системами с их слиянием приводит к кризису ничуть не в меньшей степени, чем распад исходной системы на подсистемы или отдельные элементы.

Таким образом, А. А. Богданов выделяет кризисы соединения или «конъюгации» и кризисы разделения, «дизъюнкции», правда, сразу же оговаривая, что в реальности каждому кризису чаще всего сопутствуют оба данных процесса в той или иной степени. Кризис для А. А. Богданова – одновременно нарушение равновесного состояния системы и ее стремление к равновесию на новом уровне [Там же, с. 218]. На основании своего системного представления о кризисах А. А. Богданов предполагает, в частности, возможность анализа кризисов социальных, к которым относит и революции. Здесь работа Богданова удивительным образом превосходит исследования политических трансформаций, проводившихся в 1960-1970-х гг. под руководством Г. Алмонда в рамках «Стэнфордского проекта».

Развитие системного подхода (Акофф и др.) и общей теории систем (фон Бергаланфи) в XX веке дало новую жизнь методологическим изысканиям в том числе и в сфере изучения кризисов. Системные теоретики понимали кризисы как своего рода внутреннюю рассогласованность, возникающую в системах не только из-за эпизодического воздействия отдельных факторов изнутри или извне, но и вследствие процессов видоизменения и развития систем. В социальных системах это может принимать вид нерелексивного догматического воспроизведения тех образцов деятельности, которые были успешны ранее, но перестали отвечать как изменившимся внешним условиям, так и внутренним потребностям самой системы.

Именно поэтому одним из важнейших эмпирических приложений системных исследований стало управление кризисами, их объяснение и прогнозирование. Особенности кризисов в данном подходе напрямую следуют из параметров рассматриваемых систем, в которых для одних «видов» кризисов предпосылки могут наличествовать, а для других – полностью отсутствовать. Система как изменяющаяся и развивающаяся структура на временной траектории своего существования может проходить ряд состояний. Оценка того или иного состояния как кризисного для системы может осуществляться, с одной стороны, только в сравнении с другими состояниями на этой траектории, с другой стороны, на ней же возможно проследить изменения системы и делать прогнозы, в том числе, и кризисных ситуаций.

С точки зрения системного подхода кризисом может считаться изменение особого рода, при котором происходит смена части системообразующих элементов. То, насколько сильно эти элементы будут изменены, определит, в том числе, останется ли система самостождественной в результате или же вообще произойдет замена ее другой системой. К примеру, В. В. Аргохов выделяет следующие типы кризисов: «...кризисы, вызванные преобразованием “первичных” элементов (например, исчезновением одной из групп элементов); ...кризисы, вызванные перестройкой характерных для системы отношений; ...кризисы, вызванные изменением условий, ограничивающих эти отношения» [2, с. 196].

Рассмотрение кризисов как явления, вероятно, уже непредставимо вне какой бы то ни было системы, которая переживает этот самый кризис. Именно поэтому изучение кризисов как явления стало активно производиться с развитием системного подхода, формированием общей теории систем и ее многочисленных производных, в которых сохранялось и далее, уже после постепенного спада системного движения.

Заключение

Как было показано ранее, «кризис» сам по себе является не только объективным фактом, но также своего рода оценкой происходящих событий исходя из ценностных, и в целом, мировоззренческих установок наблюдателей и исследователей, в особенности, когда речь идет о социально-исторической ситуации. Точно также можно сказать, что не всегда термин «кризис» имел отрицательные коннотации как нечто нежелательное, а мог, наоборот, означать ожидаемое и желаемое разрешение некоей ситуации.

«Кризис» в современном смысле, как тяжелое переходное состояние, поворотный пункт, переломная ситуация, за которой может последовать улучшение или ухудшение – все это происходит от одного из изначальных, медицинских значений термина, которое в Новое время стало применяться метафорически к политическим и многим другим ситуациям. Однако в то же время, все данные метафорические оценки опирались на некое имплицитное представление о том, «как должно быть», то есть, о том, что не является кризисом, а предшествовало ему или должно за ним последовать. Можно сказать, что представления о кризисе (если имеется в виду некая нежелательная ситуация) обусловлены представлениями о его противоположности, идея которой и будет определять, что в тот или иной момент оценят как кризис.

Понимание кризиса как чего-то, что может повторяться исторически или даже быть в какой-то мере циклическим, открыло путь для социально-философских, а затем и научных объяснений предпосылок, причин и последствий кризисов в самых различных сферах. И эти объяснения так или иначе рассматривали кризис как некое состояние или процесс, который переживает рассматриваемый объект. Рассмотрение кризисов оказалось связано с некоей структурой, системой, контекстом, где какой бы то ни было кризис вообще смог бы произойти.

Тем не менее, почти двухсотлетний разрыв между развитием представлений о кризисе XVIII века и системными исследованиями XX века показывает, что упомянутая системная природа кризиса, как ни странно, не является самоочевидным фактом и потребовала длительного периода концептуализации, которая послужит предметом дальнейшего рассмотрения, так как во многом продолжается и до сих пор.

Источники | References

1. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М.: Советское радио, 1974. 272 с.
2. Артюхов В. В. Общая теория систем: самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.
3. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука: в 2-х кн. М.: Экономика, 1989. Кн. 1. 304 с.
4. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука: в 2-х кн. М.: Экономика, 1989. Кн. 2. 351 с.
5. Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 560 с.
6. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л.: Наука, 1979. 493 с.
7. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.
8. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Палимпсест; Этерна, 2012. 752 с.
9. Лекторский В. А., Садовский В. Н. О принципах исследования систем // Вопросы философии. 1960. № 8.
10. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
12. Шенэ М. Перманентный кризис. Рост финансовой аристократии и поражение демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 144 с.
13. Ashby W. R. An Introduction to Cybernetics. L.: Chapman & Hall, Ltd., 1957. 295 p.
14. Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. N. Y.: George Braziller, 1969. 289 p.
15. The Century Dictionary: in XII vols. / ed. by W. D. Whitney, B. E. Smith. N. Y.: The Century Company, 1911. Vol. II. 866 p.

Информация об авторах | Author information

Малахова Елена Владимировна¹, к. филос. н.

¹ Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»; Институт философии РАН, г. Москва

Malakhova Elena Vladimirovna¹, PhD

¹ National Research Nuclear University MEPHI; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ e.v.malahova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.05.2021; опубликовано (published): 30.06.2021.

Ключевые слова (keywords): кризис; система; структура; цикличность; системный подход; crisis; system; structure; cyclicity; systemic approach.